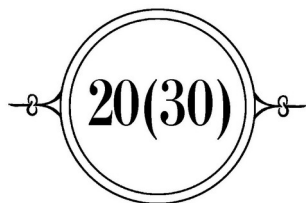

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Основан в 1936 году
Возобновлен в 1982 году

Великий Новгород
2023

УДК 94:903(47.24)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н72

Утверждено к печати
Учеными советами
Санкт-Петербургского
института истории РАН,
Института археологии РАН,
редакционно-издательским советом
Новгородского государственного
университета им. Ярослава Мудрого

Рецензенты:

канд. ист. наук **А. А. Касатов**, канд. ист. наук **Н. В. Лопатин**,
канд. ист. наук **Н. С. Федорук**

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН **П. Г. Гайдуков** (отв. ред.),
д-р ист. наук **В. Г. Вовина-Лебедева** (зам. отв. ред.),
канд. ист. наук **Е. В. Торопова** (зам. отв. ред.),
канд. ист. наук, канд. экон. наук **Я. А. Васильев** (отв. секр.),
д-р ист. наук **В. А. Аракчеев**, чл.-корр. РАН **А. В. Сиренов**,
д-р ист. наук **Б. Н. Ковалёв**, д-р ист. наук **А. А. Фролов**, д-р **Э. Лёфstrand**,
чл.-корр. РАН, д-р искусствоведения **Вл. В. Седов**, д-р ист. наук **А. А. Селин**,
канд. ист. наук **О. А. Тарабардина**, д-р ист. наук **А. Н. Чистиков**

Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редкол.:
Н72 П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.; Санкт-Петербургский ин-т истории
РАН; Институт археологии РАН; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава
Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. –
Вып. 20 (30). – 316 с.
ISBN 978-5-89896-875-5
DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB

Двадцатый 20 (30) выпуск «Новгородского исторического сборника» представляет исследования и материалы по истории и культуре Великого Новгорода и Новгородской земли IX–XX вв. Содержание настоящего выпуска определяют проблемы социально-политических отношений, религиозной жизни, административного устройства, вопросы археологии, историографические исследования, публикации трудов по истории древнейшего русского города.

УДК 94:903(47.24)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)

ISBN 978-5-89896-875-5

© Коллектив авторов, 2023
© Санкт-Петербургский институт
истории РАН, 2023
© Институт археологии РАН, 2023
© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
2023

УДК 271.2(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-875-5/2023.NHB.03

А. Ю. Виноградов, М. С. Желтов, свящ.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ДАТЕ КОНЧИНЫ И ЦЕРКОВНОЙ ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА НИФОНТА НОВГОРОДСКОГО

Аннотация. Новгородского архиепископа Нифонта можно считать одним из наиболее выдающихся церковно-политических деятелей Руси второй трети XII в. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что о его кончине упомянуто во всех трех основных древних летописях: Киевской, Суздальской и Новгородской Владычной, причем в первой и последней он удостоен пространного некролога. Однако некоторые обстоятельства его кончины до сих пор вызывают споры или не вполне прояснены. Именно им и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Великий Новгород, архиепископ Нифонт, Русская Православная Церковь, Новгородская епархия.

Abstract. Archbishop Nifont of Novgorod can be considered to be among the most prominent ecclesiastical and political figures of the Russian Church in the second third of the XII century. This is particularly evidenced by the fact that all the three oldest Russian chronicles, i.e. the Kiev, Suzdal and Novgorod Vladychnaja chronicles, explicitly mention his death; moreover, in the first and in the last a reader finds a quite lengthy obituary for Nifont. However, some of the circumstances of his death are still causing controversies or are not fully clarified. This article deals with these circumstances.

Keywords: Veliky Novgorod, Archbishop Nifont, Russian Orthodox Church, Novgorod Diocese.

Дата смерти. Обстоятельства смерти Нифонта переданы в летописях с разной степенью подробности. Суздальская летопись приводит лишь краткое известие о дне его смерти и месте погребения, помещая это известие между упоминаниями о смерти Феодосия II Печерского и о приезде Константина I Киевского. Новгородский летописец, которым, возможно, был ученик и сподвижник Нифонта Кирик (см.: Гиппиус, 1997), дает ту же информацию, но дополняет ее новгородскими подробностями жизни и отъезда архиепископа. А вот Киевская летопись рассказывает также и о причине приезда Нифонта в Киев (ею стала весть о прибытии митрополита Константина), и о том, что архиепископу было видение, и о его последовавшей 13-дневной болезни. Еще один

домонгольский источник сведений о последних днях жизни Нифонта, помимо летописей, – это посвященная ему статья из Киево-Печерского патерика (Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря. С. 71–73; Абрамович, 1931. С. 97–98), имеющая, впрочем, сводный характер и полностью основанная на материале летописей.

Перечисленные источники указывают разные даты кончины Нифонта. Согласно Новгородской владычной летописи, Нифонт, приехавший в Киев для встречи митрополита Константина I, скончался 21 апреля (ПСРЛ. Т. III. С. 29, 216); Киевская упоминает, что это случилось в субботу Светлой седмицы, и называет дату 15 апреля (ПСРЛ. Т. II. Стб. 482); Суздальская летопись относит смерть архиепископа к 18 апреля (ПСРЛ. Т. I. Стб. 347); часть редакций Киево-Печерского патерика также указывает дату 18 апреля, а другая часть – 8 апреля (Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря. С. 73; Абрамович, 1931. С. 98). Исследователи принимали разные даты смерти Нифонта; резюмируя эту дискуссию, М. В. Печников в своей последней статье о Новгородском архиепископе склоняется к 15 апреля (Печников, 2018. С. 270).

Между тем истинная дата кончины святителя вычисляется довольно легко благодаря указанию киевского летописца второй половины XII в. на то, что она случилась в субботу Светлой седмицы. Как указал еще архиеп. Филарет (Гумилевский), в 1156 г. этот день приходился на 21 апреля, что совпадает с датой в статье Новгородской Владычной летописи (Филаретъ, 1882. С. 525, прим. 179). К этому аргументу мы можем добавить, что приоритетность даты 21 апреля вытекает не только из ее совпадения с празднованием по подвижному календарю – субботой Светлой седмицы, – но и из того, что составитель именно этой летописи должен был особенно внимательно относиться к точному указанию даты смерти Новгородского владыки; более того, как уже отмечалось, автором летописной статьи был, скорее всего, Кирик, то есть человек, близкий Нифонту. Таким образом, именно 21 апреля и следует считать подлинной датой смерти архиепископа.

Можно попытаться восстановить и цепочку искажений, приведшую к появлению иных дат в прочих источниках. Дата 15 апреля в Киевской летописи появилась, вероятно, из-за упоминания Светлой седмицы как таковой («мѣца априла въ ѣї дѣнь порозноѣ недѣль в суботу»): началом Светлой седмицы служит воскресенье («неделя») Пасхи, а Пасха в 1156 г. приходилась на 15 апреля. Именно к Пасхе, по всей видимости, и ждали приезда митрополита Константина I: было бы логично надеяться на то, что новый митрополит лично возглавит главную службу церковного года; недаром летопись упоминает присутствие Нифонта в Киеве уже на Вербное воскресенье, когда и началась его болезнь. Менее объяснима дата Суздальской летописи, 18 апреля; вероятно, здесь имеет место сокращение известия Киевской летописи, в ходе которого ЄІ превратилось в НІ из-за ошибки писца или неясного

чтения в протографе. Та же дата, 18 апреля, в Киево-Печерском патерике могла появиться лишь под влиянием Суздальской летописи, а поскольку создателем главы о Нифонте назван свт. Симон Владимирский, это совершенно естественно. Наконец, в части редакций Патерика из-за потери вертикальной черты НІ искажилось в Н.

Экскурс: день церковной памяти Нифонта и характер его почитания. О почитании Нифонта во святых впервые сообщает известный псковский книжник сер. XVI в. Василий-Варлаам, составивший свою редакцию жития архиепископа и богослужебные тексты на день его памяти (Памятники старинной русской литературы 4. С. 1–9; о житийной традиции свт. Нифонта в целом см.: Максимова [Терешкина], 2001). Он же упоминает о том, что прославление Нифонта было осуществлено митрополитом всея Руси Макарием (Там же. С. 8), на что первым обратил внимание архиеп. Филарет (Гумилевский), заметив, что точная дата канонизации неизвестна (Филаретъ, 1882. С. 525, прим. 179). Е. Е. Голубинский, ссылаясь на маргиналию в одном из списков жития митрополита Ионы, приписал эту канонизацию Московскому Собору 1549 г. (Голубинский, 1903. С. 103), хотя данная версия и покоится на весьма шатком основании.

У Василия-Варлаама дата смерти – и, следовательно, день памяти – Нифонта приходится на 18 апреля (как в Суздальской летописи и части редакций Киево-Печерского патерика). До середины XVII в. эта память конкурирует с другими датами: 8 апреля (напр., в Коряжемских святцах: РГБ. Ф. 310 (Унд.) 237, 1621 г. Л. 164 об.) и даже 16 июня (в святцах белозерского дьяка Богдана Ильина сына Колокольниковца: РНБ. Кир.-Бел. 493/750, сер. XVII в. Л. 74). При этом до 1659 г. память Нифонта встречается в русских церковных книгах редко, а сама его фигура стоит в ряду с другими святыми Новгородской земли.

Ситуация изменилась с публикацией в Москве в 1659 г. обновленных Святцев под заглавием «Месяцесловъ... съ лѣтописемъ». По сравнению с предыдущими изданиями Святцев, здесь появляется немало новых имен, среди которых – целый ряд киево-печерских подвижников (см.: Карбасова, 2011). Одним из источников в ходе редактуры обновленных Святцев, по всей видимости, стал Месяцеслов из киевского издания Следованной Псалтири 1643 г., подготовленного при непосредственном участии Киевского митрополита Петра (Могилы). Память Нифонта здесь помещена 8 апреля и описана так: «Пр(е)п(о)д(о)б(наго) ѿца нашегw Нѣфwнта, еп(иско)па Новгородскагw, иже пришедъ въ монастырь Печерскій» (С. 698). Таким образом, составитель Месяцеслова помещает Нифонта в один ряд с печерскими преподобными. Это подтверждается и тем, что имя Нифонта упомянуто в каноне «преподобнымъ отцемъ Печерскимъ, и всѣмъ святымъ, в Малои Рwссїи просиявшимъ», написанном на греческом языке в 1643 году Мелетием Сиригом

по просьбе Петра (Могилы) и впоследствии переведенном на церковнославянский язык (Borisova, 2021)¹.

После 1659 г. именно 8 апреля окончательно утверждается в церковных календарях Русской Церкви как день памяти Нифонта. Это соответствует Киево-Печерскому патерику (части его редакций), но не летописям или Житию Нифонта авторства Василия-Варлаама, и отражает заложенную Петром (Могилой) традицию помещать Нифонта в ряд печерских подвижников. Тот же характер носит и служба свт. Нифонту, созданная в составе единого комплекса служб печерским преподобным (Службы преподобнымъ отцемъ Печерскимъ. Л. 72–76).

Таким образом, предпринятое Петром (Могилой) переосмысление образа свт. Нифонта, в общем, восторжествовало. Впрочем, в современных русских изданиях служебной Минеи под 8 апреля приводятся обе службы: и печерская, и составленная Василием-Варлаамом (вопреки тому, что сам автор этой службы помещал память Нифонта на 18 апреля) (Минея апрель. Ч. 1. М., 2002. С. 166–187). Достаточно иронично, что в XX–XXI вв. память 8 апреля, празднуемая по юлианскому календарю, совпадает с 21 апреля по григорианскому календарю, то есть тем числом апреля, которое и является подлинным днем смерти архиепископа.

Обстоятельства последних недель жизни Нифонта. Приезд архиепископа Нифонта в Киев был обусловлен кризисом в Русской митрополии, который начался из-за отъезда митрополита Михаила в 1145 г. и усугубился после поставления в 1147 г. частью русских епископов, по инициативе киевского князя Изяслава Мстиславича, священника Клима Смолятича в митрополита. Константинопольская патриархия это поставление категорически не признала, Нифонт твердо следовал линии патриархии. Ту же сторону занимали некоторые русские князья, прежде всего – Юрий Долгорукий. Поэтому когда последний занял Киев в 1155 г., он пригласил на Русь нового митрополита из Константинополя – им стал Константин I, которого в Киеве встречали и другие провизантийски настроенные русские епископы: Смоленский и Полоцкий (ПСРЛ. Т. II. Стб. 485).

Из летописей известно, что Нифонт при отъезде митрополита Михаила получил от него конкретные указания относительно неприкосновенности Киевской кафедры до прибытия законного – с точки

¹ С легкой руки А. В. Горского и прот. К. Невоструева (см. их Описание славянских рукописей... Отд. 2, ч. 2. С. 190), в литературе распространилось ошибочное мнение о публикации канона уже в составе киевской Следованной Псалтири 1643 г. (также встречаются утверждения об издании в том же году отдельного «Последования молебного отцам Печерским...», содержавшего этот канон), однако в действительности в указанной Псалтири он отсутствует, а типографским способом был впервые издан только в составе киевского Акафистника 1677 г. (Borisova, 2021. P. 21).

зрения византийцев – митрополита, а в дальнейшем состоял в переписке с Константинопольским патриархом: в сохранившемся послании патриарха Нифонту тот ободряет архиепископа в борьбе с Изяславом, требовавшим от новгородского иерарха признания Климата. В союзе с Юрием и его епископом Нестором Ростовским Нифонт осуществлял церковную деятельность и в других епархиях Русской Церкви, в какой-то мере исполняя роль митрополичьего местоблюстителя (см.: Виноградов, Желтов, 2018б). Поэтому его приезд в Киев для встречи «каноничного» митрополита, наконец прибывающего на Русь, – вполне понятен.

Однако в Новгородской Владычной летописи рассказывается также, что у поездки была и иная сторона: «Шль бяше Киеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, полупивъ святую Софию, пошьль Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нь себе на грѣхъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 29).

В науке выдвигалось несколько версий о причинах обвинения Нифонта в «полуплении Св. Софии». М. Д. Приселков считал, что Нифонт собрал подать за годы отсутствия законного митрополита, намереваясь передать эти средства Константину I (Приселков, 1913. С. 34, 190); Я. Н. Щапов полагал, что Нифонт собрал деньги для поставления в митрополиты его самого (Щапов, 1989. С. 168); Т. В. Круглова и М. В. Печников, каждый по-своему, предположили, что за этим обвинением стоял расход средств Софийской владычной казны: по версии первой – на предпринятое Нифонтом строительство в Новгороде, Пскове и Ладоге (Круглова, 2008. С. 33); по мысли второго – на покрытие свинцом Св. Софии Новгородской (Печников, 2017. С. 266–268: в подтверждение своих выводов автор сопоставил выражение «полупивъ святую Софию» с сообщением летописи «архиепископ Нифонт побил Святую Софию свиньцемъ всю прямию» (ПСРЛ. Т. III. С. 29, 215)).

Однако при ближайшем рассмотрении ни одна из этих версий не выдерживает критики. Древнерусский глагол «лупити» не имеет значения «покрывать что-то чем-то», но только «грабить, обирать» (СДРЯ XI–XIV. Т. IV. С. 453), да и летописец явно оправдывает Нифонта ничем иным, как указанием на его строительную деятельность, которая, соответственно, не могла являться предметом обвинения. Тот же аргумент опровергает и предположение Кругловой. Гипотеза Щапова о желании Нифонта стать митрополитом не находит себе никакого подтверждения в источниках; более того, если бы Нифонт этого действительно добивался, он должен был бы как-то обозначить свое желание за десять лет отсутствия «каноничного» митрополита на Руси (1145–1155 гг.) и, занимая сторону патриарха и находясь с ним в переписке, вполне возможно, легко бы добился своего. Наконец, идея о сборе денег для передачи митрополиту основывается, очевидно, на позднейшей практике регулярных негласных выплат епархий вышестоящему архиерею, однако в Византии рассматриваемого периода субординация епископов не распространялась на финансовую сферу, так что подобные

выплаты не существовали в качестве регулярной практики. Кроме того, такая гипотеза никак не объясняет выдвинутого против Нифонта обвинения в попытке уехать именно в Константинополь, а не к митрополиту в Киев. Но для того, чтобы распространиться по Новгороду, слух о поездке в Константинополь должен был иметь какие-то основания. Конечно, такие основания в принципе предоставляли как строго провизантийская позиция Нифонта в кризисе 1145–1155 гг., так и его возможное греческое происхождение (недаром в «Вопрошании Кирика» он предстает знатоком византийских канонов и богослужения (см.: Печников, 2017. С. 239–241).

Но все же, были ли слова об отправлении Нифонта в Царьград только инвективой его политических оппонентов или здесь есть нечто большее? И было ли обвинение со стороны неких, никак точно не обозначенных, новгородцев, обычным слухом, направленным на дискредитацию оппонента, или же из упоминания этого обвинения в контексте рассказа о планируемом приеме Нифонта новым митрополитом следует сделать вывод об официальном характере обвинения (пусть оно и не было в итоге рассмотрено ввиду смерти Нифонта еще до приезда митрополита)?

Летописи не дают никаких оснований утверждать, что после своего прибытия в Киев Нифонт каким-либо образом планировал направиться в Константинополь. Однако за обвинением в изъятии им из Новгорода неких церковных сумм или предметов, по всей видимости, действительно стоит не вопрос отношений Новгородской епископии с митрополией в Киеве, но вопрос отношений Новгорода с самим Константинополем – пусть и в лице митрополита, но выступающего в данном случае именно в качестве представителя византийской столицы.

Вручение даров представителю Константинополя должно было преследовать какие-то амбициозные цели. Ход дальнейших церковно-политических событий в Новгороде подтверждает эту мысль, но сначала следует обсудить два предположения, выдвигавшиеся в связи с деятельностью Нифонта.

Первое предположение (Лихачев, 1986. С. 161; Хорошев, 1980. С. 28–29) состоит в том, что итогом этой деятельности стало достижение реальной независимости Новгородской епархии от Киевского митрополита. Если согласиться с этим предположением, такое положение вещей означало бы, что Новгородская кафедра получила статус автокефальной архиепископии, т. е. оказалась в прямом подчинении Константинополю, минуя Киев. Это соответствовало бы византийскому словупотреблению, в котором «архиепископами» называли или глав крупных церковных образований – патриархов, или, в случае с Русью,

митрополитов², – или глав епископских кафедр, не входивших в состав какой-либо митрополии (даже если вся митрополия ограничивалась самой такой кафедрой), но подчинявшихся патриарху напрямую (Chrysos, 1969). Однако присвоение Новгородской кафедре статуса автокефальной архиепископии противоречило бы всему тому, что мы знаем о деятельности прогреческой партии на Руси того времени, упорно борющейся за единство Русской митрополии: вначале против Климента Смолятича, а затем – против Феодора-Феодорца Владимирского. Кроме того, если бы новгородская кафедра сделалась автокефальной архиепископией, то либо каждому новому новгородскому иерарху пришлось бы ездить за поставлением в Константинополь, что было бы непросто, особенно в те моменты, когда юг Руси контролировал князь, враждебный Новгороду или Византии, – а ведь арест епископа князем был в это время вещью вполне реальной, как показывает история с Иоакимом Туровским (ПСРЛ. Т. I. Стб. 314; Т. II. Стб. 330), – либо поставляться, как и прежде, в Киеве, но теперь уже не по решению митрополита, а на основании особой патриаршей грамоты (или же выдаваемых на каждое новое поставление грамот). Источники не знают ни того, ни другого; следовательно, предположение о полноценной архиепископии Новгорода следует отвергнуть.

Это отнюдь не означает, что Новгородская кафедра не могла стать сугубо титулярной архиепископией. Недавно было убедительно показано, что архиепископский титул новгородские иерархи носили еще с XI в. (Гиппиус, 2019). Важно и следующее: вскоре после смерти Нифонта, в 1165 г., «ходи игумень Дионисии съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архиепископство митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 32), то есть право новгородского иерарха именоваться «архиепископом» было подтверждено или же восстановлено. Поэтому можно предположить, что в XI в. это право еще не было усвоено Новгородской кафедре как таковой, и почетный титул присваивался каждому из носивших его иерархов персонально (отметим, что, вероятно, после 1169 г. таким же титулярным архиепископом был сделан Леон Ростовский (Назаренко, 2015. С. 534) – очевидно, в награду за его долгое отстаивание позиций прогреческой партии (см. Виноградов, Желтов, 2018a)). Следовательно, Нифонт действительно имел основания вступить в переговоры об архиепископском статусе Новгородской кафедры – ведь посольство 1165 г. показывает, что как минимум на тот момент соответствующая титулатура вызывала сомнения в Киеве, – но не о реальной независимости кафедры от Киева, а о закреплении за ней статуса титулярной архиепископии на постоянной основе.

² Ср. запись Новгородской владычной летописи от 6778 года: «Присла митрополитъ грамоту в Новъгородъ, река тако: мнѣ поручилъ Богъ архиепископию в Русьской зем-ли» (ПСРЛ. Т. III. С. 89)

Второе предположение заключается в том, что состоявшееся в 1156 г., вскоре после смерти Нифонта, избрание его преемника, Аркадия, самими новгородцами – являвшееся яркой инновацией: ранее на Руси епископы никогда не избирались горожанами, но назначались митрополитом из Киева, – было не спонтанным актом, но реализацией идей самого Нифонта (Соколовъ, 1913. С. 323–325; Хорошев, 1980. С. 31–32; Лихачев, 1986. С. 164–166). Мы склонны согласиться с этим предположением: как знаток канонов Нифонт должен был быть осведомлен о византийских спорах XI в. о прерогативах избрания епископов (см.: Бондач, 2007), а как опытный политик мог опасаться присылки из Киева неудобного новгородцам ставленника митрополита; недаром в Суздальском княжестве вскоре случились аналогичные случаи недовольства горожан митрополичьими ставленниками: в 1164 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 342) и, особенно ярко, в 1185 г., когда митрополиту в итоге пришлось уступить выбору князя и суздальцев (ПСРЛ. Т. I. Стб. 391). Таким образом, получение Новгородом права избирать себе архиерея и должно было составлять суть переговоров Нифонта, причем не столько с митрополией, сколько с патриархией. Именно необычность этого нового права и необходимость согласовать новый порядок с патриархом и могла стать причиной последующей двухлетней задержки с поставлением Аркадия со стороны митрополита.

Возвращаясь к обвинению Нифонта в сношениях с Царьградом, следует сделать вывод, что архиепископ действительно выполнял некую церковно-политическую миссию, включавшую утверждение особых прав Новгорода в вопросе замещения епископской кафедры, а также, вероятно, закрепление экстраординарного статуса Новгородской епархии как титулярной архиепископии. Непосредственной причиной этой миссии, помимо прибытия на Русь Константина I, могло быть опасение новгородцев в скорой потере Киева Юрием – тем более, что тот уже терял его дважды, – это могло повлечь за собой покушение на статус новгородской епархии и руководство ею. Подобная перестраховка не могла быть напрасной: действительно, после взятия Киева Мстиславом Изяславичем в 1158 г. митрополит Константин I вынужден был бежать оттуда. Предчувствуя свою скорую кончину, Нифонт, вероятно, желал обезопасить Новгородскую кафедру от подобных проблем.

Пожелания новгородцев о выговаривании своей кафедре особых прав и полномочий отражали и общеполитическую ситуацию на Руси: Новгородское и Суздальское княжества находились в процессе бурного роста, и их амбиции росли. При этом Нифонт, хорошо знавший византийцев (а возможно, и сам имевший греческое происхождение), не мог не понимать, что любые амбиции северных «варваров» столкнутся с крайним недовольством со стороны Константинополя, что и может объяснять экстраординарный характер тех даров, с которыми он покинул Новгород.

Наконец, вероятно, что Нифонт должен был дать в Киеве и некий отчет о своей деятельности за 11 лет отсутствия на Руси «канонического» митрополита. Это могло стать серьезным испытанием: так, прибывший в Киев в том же 1156 г. епископ Нестор Ростовский был лишен кафедры, вероятно, из-за обвинений в ненадлежащей политике в области финансов и имущества епархии, несмотря даже на свою принадлежность к лагерю противников Клим (Виноградов, Желтов, 2019).

Церковный характер миссии Нифонта не исключает ее политической составляющей. Весной 1155 г. Киев занял Юрий Долгорукий, который и был инициатором приглашения митрополита Константина. Нифонт мало того, что постоянно общался с Юрием (в 1148 и 1149 гг.), но и возглавил зимой 1154–1155 гг. новгородское посольство к нему, просившее в князя его сына Мстислава (ПСРЛ. Т. III. С. 29) – нельзя исключать, что тогда Юрий и Нифонт обсуждали и будущее устройство Русской Церкви после планировавшегося на весну взятия Киева. Поэтому вполне логично, что для реализации своих амбициозных планов относительно Новгородской кафедры в 1156 г. Нифонт должен был заручиться поддержкой киевского князя.

Кроме того, сразу по своему приезде в Киев митрополит Константин совершил некое благословение Юрия (возможно, в противовес новой церемонии вокняжения Изяслава Мстиславича (см.: Виноградов, 2021)), а также проклятие Изяслава и, вероятно, Клим Смолятича (см.: Виноградов, Желтов, 2018б). По всей видимости, при этом присутствовали встречавшие его в Киеве епископы, среди которых должен был бы быть и Нифонт, если бы остался в живых. Летопись не указывает, кто именно был инициатором столь необычного акта, однако его содержание (проклятие политического оппонента) указывает на то, что инициатива здесь принадлежала Юрию (аналогично новациям в порядке вокняжения, введенным самим Изяславом, так как никакого иерарха в 1146 г. в Киеве не было). А вот конкретную литургическую форму этого акта могли подсказать Юрию как митрополит Константин, так и знаток византийских обычаев Нифонт, немало пострадавший от Клим.

Место погребения и связь с Киево-Печерским монастырем. Все летописи единодушно говорят о погребении Нифонта в Печерском монастыре: Киевская летопись уточняет, что он был положен в Феодосьевой пещере, а Новгородская Владычная – «у святѣи Богородици въ пещере». Однако в Киевской летописи к этому добавлен целый пассаж, связывающий Нифонта с Печерским монастырем: согласно его собственному рассказу, за три дня до болезни ему приснилось, что он стоит в Печерской церкви на месте Николы Святоши и ему является «отец Феодосий», призывая его к себе и вручая свиток. Этот рассказ повторен в Киево-Печерском патерике, где глава о Нифонте полностью основана на Киевской летописи.

Патерик прямо называет Нифонта бывшим иноком (но не постриженником, как часто считается) Печерского монастыря: «Блаженный Ниѡнтъ бысть убо черноризецъ Печерьскаго монастыря, тѣхъ святыхъ отецъ житію поревнуя, и за многую его добродѣтель поставленъ бысть епископъ Новуграду» (Абрамович, 1931. С. 97). Однако, как мы видели, никаких дополнительных источников относительно Нифонта, кроме Киевской летописи, у свт. Симона Владимирского не было, так что вывод о том, что до своего епископства Нифонт входил в число братии лавры, Симон, составляя свой рассказ спустя целых 70 лет, мог сделать просто исходя из вышеупомянутого летописного пассажа.

Существует также точка зрения, согласно которой Нифонт видел во сне не прп. Феодосия, первого печерского игумена, а игумена Феодосия II (Печников, 2018. С. 270). Действительно, последний скончался прямо перед Нифонтом, однако об этом упоминает, как ни странно, только Суздальская летопись (ПСРЛ. Т. I. Стб. 347), тогда как в Киевской летописи известие о смерти печерского игумена Феодосия II замещено ничем иным, как рассказом о явлении Нифонту «отца Феодосия», что говорит, скорее, против упомянутой точки зрения.

«Привязывая» Нифонта к Печерскому монастырю (возможно, путем замены известия о смерти Феодосия II рассказом о явлении Нифонту Феодосия I), киевский летописец второй половины XII в., вероятно, связанный с этой обителью, мог пытаться решить церковно-политическую задачу. Печерский монастырь был тесно вовлечен в постовые споры 1160-х гг., в которых занимал сторону старой «студийской» практики против новой, более строгой практики реформированного греческого монашества, которую на Руси начали активно вводить митрополиты-греки и их ставленники, прибывавшие в Киев как раз с 1156 г., после победы прогреческой партии. Эта борьба принимала порой весьма драматичные формы: так, в 1168 г. митрополит Константин II запретил в служении печерского игумена Поликарпа за следование постовым нормам Студийского устава (ПСРЛ. Т. I. Стб. 354–355). В этой ситуации авторитет Нифонта, который был, с одной стороны, ярким сторонником Константинополя, а с другой – авторитетным знатоком церковных правил, был очень нужен Печерскому монастырю – тем более, что мы знаем о реальном отношении Нифонта к византийским аскетическим новациям: в целом одобряя их, он не считал нужным их навязывать (см.: Виноградов, Желтов, 2018а).

Таким образом, фигура Нифонта была, возможно, сознательно привязана к Печерской обители киевским летописцем – и только им – без особой предыстории: эпизод с действительным пребыванием Нифонта в Печерском монастыре имел место в 1149 г., когда он был туда заточен Изяславом (ПСРЛ. Т. III. С. 28), что говорит, скорее, против печерского происхождения Нифонта. А уже на следующем этапе, в 1220-е гг., печерский постриженник Симон Владимирский превратил Нифонта в печерского монаха.

Выводы. Итак, попробуем реконструировать последние дни жизни свт. Нифонта Новгородского. Получив известие о прибытии на Русь нового митрополита из Византии Константина I, немолодой Нифонт, возглавлявший новгородскую кафедру уже целых 26 лет, отправился в Киев, вероятно, в начале весны 1156 г., еще по санному пути.

Официальным поводом для поездки могла быть не только встреча правящего митрополита, но и своего рода отчет о своей деятельности за 11 лет отсутствия на Руси «каноничного» митрополита. Однако у поездки Нифонта была, по всей видимости, и дополнительная цель, ради чего он и собрал некие дары, которые его новгородские оппоненты считали украденными из Св. Софии и предназначенными для отправки в Константинополь, куда якобы собирался уехать и архиепископ, как некогда это сделал митрополит Михаил. Для чего они предназначались, точно неизвестно, однако можно предположить, что они должны были благоприятствовать переговорам о подтверждении статусных претензий Новгородской кафедры: статуса титулярной архиепископии и/или права самостоятельно выбирать иерарха. Чувствовавший приближение смерти Нифонт мог опасаться будущего покушения на права Новгородской кафедры со стороны киевского князя или митрополита.

Нифонт прибыл в Киев не позднее 5 апреля (13 дней болезни + 3 дня до видения перед смертью 21 апреля), Великим постом. Приезд Константина I ожидался, вероятно, к Пасхе (15 апреля). Однако митрополит почему-то задержался, а Нифонту уже не было суждено его дожидаться: заболев 8 апреля, на Вербное воскресенье, он скончался, так и не увидев Константина, 21 апреля, в субботу Светлой седмицы.

Нифонт был погребен в Печерском монастыре, где некогда ранее, в 1149 г., находился в недолгом заточении. Его останки были положены в пещерах Печерского монастыря – вероятно, Феодосиевых: наступившая весна делала невозможной транспортировку тела в Новгород. Ни новгородский, ни суздальский летописец не акцентируют эту деталь, тогда как киевский летописец второй половины XII в., напротив, помещает здесь большую историю о предсмертном видении Нифонту «отца Феодосия», еще теснее связывая авторитетного для всей Руси иерарха с Печерской обителью, чьи традиции в третьей четверти XII столетия подвергались нападкам как раз со стороны «однопартийцев» Нифонта. Уже на основе этой истории свт. Симон Владимирский в начале XIII в. создает статью Патерика, в которой Нифонт представлен уже бывшим печерским иноком. В результате в позднейшей церковной традиции образ Нифонт имеет двоякую природу – и выдающегося деятеля Новгородской земли, и печерского подвижника, что отразилось и на выборе дня его церковной памяти.

Литература и источники

Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. Киев: Друк. Всеукр. Акад. наук, 1931. XXVI, 235 с.

Бондач А. Г. Димитрий, митр. Кизический // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 66–70.

Виноградов А. Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2021. № 33. С. 57–61.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156–1159 гг.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 35–56.

Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 10 (84).

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. Спорные вопросы текстологии НПЛ // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 3–72.

Гиппиус А. А. К вопросу о времени учреждения новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции, 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. М., 2019. С. 57–59.

Голубинский Е. [Е.] История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. [4], 600 с.

Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301.

Круглова Т. В. К истории создания первых монастырей в Пскове // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздне-византийской эпохи: К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 23–36.

Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 154–184.

Максимова [Терешкина] Д. Б. Житийные памятники, посвященные Нифонту Новгородскому. Литературная история текстов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001 [рпк.].

Миняев Апрель. Ч. 1. М.: Издательский Совет РПЦ, 2002. 310 с.

Назаренко А. В. Леонтий II, архиеп. Ростовский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. Т. 40. С. 532–534.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко. Вып. 4. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. 225 с.

Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря / подъ ред. Д. И. Абрамовича, подъ смотр. А. А. Шахматова. СПб.: Изд. Имп. Археогр. Комміссіи, 1911. II, 275, [4] с.

Печников М. В. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. М., 2017. № 3/4 (47/48). С. 266–268.

- Печников М. В. Нифонт, свт., еп. Новгородский // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 267–272.
- ПСРЛ I – Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР. 1926–1928, 2-е изд. Т. 1. 282 стб.
- ПСРЛ II – Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись (изд. 2-е). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 стб.
- ПСРЛ III – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640, [1] с.
- Приселковъ М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. XVI, 414 с.
- Службы преподобнымъ отцемъ Печерскимъ. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1785. 308 с.
- Соколовъ П. [П.] Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. [2], IV, 578 с.
- Филаретъ [Гумилевскій], архіеп. Русскіе святыя, чтимые всею Церковію или мѣстно: Опытъ описанія жизни ихъ. Отд. 1: Январь, февраль, мартъ, апрѣль. СПб., 1882. С. 519–527.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: МГУ, 1980. 223 с.
- Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228, [3] с.
- Borisova T. Hymnographic Complex by Meletios Syrigos Dedicated to the Kievan Cave Saints and All Russian Saints in the Russian Tradition // *Scrinium*. 2021. Vol. 17. P. 1–27.
- Chrysos E. Zur Entstehung der Institution der autokephalen Erzbistümer // *Byzantinische Zeitschrift*. 1969. Bd. 62. S. 263–286.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

П. Г. Гайдуков. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок	3
Л. А. Секретарь. Подворье Дома св. Софии «На Устье»: история места расположения, строительства и архитектуры	29
А. Ю. Виноградов, М. С. Желтов, священник. Об обстоятельствах, дате кончины и церковной памяти архиепископа Нифонта Новгородского	43
И. В. Волков. Комплекс ранних серебряных монет Великого Новгорода из Ильменского Поозерья	56
Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Корреспонденция новгородского митрополита Иова как источник по истории Новгородской архиерейской школы 1706–1715 гг. ...	63
Я. А. Васильев. Благотворительная деятельность городских общественных банков и городских ломбардов Новгородской губернии	99
Б. Н. Ковалёв. Историк Алексей Малов: до и после «Академического дела»	112

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ТИХВИНСКИЙ КРАЙ В XII–XX вв.»

А. В. Сиренов. Материалы конференции «Тихвинский край в XII–XX вв.»	137
Т. В. Сазонова. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской	140
И. А. Шалина. Драгоценный убор чудотворной иконы Богоматери Тихвинской в XVI–XVII веках	150
П. В. Седов. «Сказание о Тихвинской иконе Божьей матери». Редакции и бытование памятника во второй половине XVII в.: новые документы	188
И. А. Поляков, А. П. Павлов. Представители княжеско-боярской знати как вкладчики Успенского Тихвинского монастыря	218
О. А. Абеленцева. Опись казны Николаевского Мостицкого монастыря 1616/17 г.	229
В. Г. Зюрин. Альтернативные проекты Тихвинской водной системы в XVIII веке	237

В. В. Бондарева. Из истории создания Астрачской земской школы.....	243
И. А. Мельников. Тихвинский Крестовоздвиженский старообрядческий скит во второй половине XVIII – середине XIX века и его библиотека.....	251

РЕЦЕНЗИИ

П. В. Лукин. История «города-государства Великий Новгород» в новой книге Карстена Гёрке	275
Указатель статей и публикаций, помещенных в «Новгородском историческом сборнике», выпуски 11 (21) – 20 (30), по выпускам	288
Указатель статей и публикаций, помещенных в «Новгородском историческом сборнике», выпуски 11 (21) – 20 (30), по алфавиту	299
Список сокращений	310
Сведения об авторах	312

Научное издание

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

20 (30)

Редактор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 01.12.2023 г. Формат издания 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 500 экз. Заказ № 01122023
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И., 394052, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru